

Былое перед глазами

Московский художественный академический театр отмечает свое 70-летие. Сегодня мы публикуем, с сокращениями, отрывок из книги Игоря Нежого «Былое перед глазами». В этих главах рассказывается о военных годах, когда коллектив МХАТ находился в Тбилиси.

С ПЕРВЫХ же дней пребывания нашей группы в грузинской столице между артистами, музыкантами, художниками Москвы и Тбилиси установились теплые, дружественные отношения. Эта дружба лень ото дня крепла и развивалась, проявляясь в самых различных формах.

Москвичи посещали спектакли, концерты, выставки, участвовали в обсуждении работ своих грузинских коллег, помогая им дружескими советами и рекомендациями. Гости из Москвы охотно бывали на встречах с творческими работниками Грузии. Как правило, во время таких встреч завязывался оживленный, деловой разговор о советском искусстве вообще и о грузинском в частности. И надо сказать, что грузинские товарищи очень считались с мнением корифеев русского театра, живописи, музыки. Последние же щедро делились своим богатейшим опытом, знаниями, мастерством.

Иногда устраивались смешанные концерты, в которых артисты и музыканты Москвы и Тбилиси выступали вместе. С большим успехом, например, исполнили сцену из «Ричарда III» Шекспира известная грузинская актриса Верико Анджапаридзе и Василий Иванович Качалов.

Как раз в то время, когда мы были в Тбилиси, местная киностудия выпускала фильм «Георгий Саакадзе». Качалов и Климов участвовали в его дуб-

лировании на русский язык.

Немирович-Данченко интересовался театральной жизнью грузинской столицы, ходил в театры имени К. Марджанишвили, имени Руставели.

Помню спектакля «Кикандзе», Владимир Иванович смотрел здесь «Отелло», и не раз. Ему очень нравился и весь спектакль в целом, и особенно Акакий Хорава, о котором Немирович-Данченко не раз говорил, что это лучший из всех наших Отелло и что это не просто талантливо сыгранная роль, а явление, событие на театре. Высоко он оценивал также игру Акакия Вассадзе (Ягр). Тамары Чавчавадзе (Эмилия), Александры Тоидзе (Дездемона).

Когда Владимир Иванович пошел первый раз в театр имени Руставели на «Отелло», я, зная его привычку ложиться рано спать, предупредил труппу, что он может утомиться и уйти со 2-го или 3-го акта, ибо спектакль большой. Но Немирович-Данченко был так увлечен, что не ушел ни после 3-го, ни после 4-го, ни даже после 5-го акта.

После спектакля он всех тепло поблагодарил, очень легко отозвался об актёрах, о театре, о грузинской театральной культуре вообще, сравнил Хораву в роли Отелло с Олдрижем.

Творческие связи Немировича-Данченко с грузинским театром не ограничивались посещениями отдельных спектаклей, оценками тех или иных актёров. Большим событием явились две беседы о театральном искусстве, которые Владимир Иванович провел в театре имени Руставели с его труппой и работниками других тбилисских театров.

Помню, как Немирович-Данченко пришел на первую из этих бесед. Зал был полон. Все его ждали. Когда он вошел,

все встали. Владимир Иванович поднял руку и в наступившей тишине сказал только одно слово:

— Амханагебо!..

По-грузински это значит «товарищи». Так приветствуют в Грузии близких, дорогих друзей, единомышленников, земляков. Поистине буря, шквал рукоплесканий были ответом на приветствие знаменитого московского гостя.

О чем же он говорил во время этих бесед? О многом.

Он развивал свою излюбленную тему о трех планах актерского творчества — жизненной, театральной и социальной, или, как он тогда выразился, идеологической. Владимир Иванович подчеркнул несколько раз необходимость органического синтеза этих трех восприятий в создании современного сценического образа и предупредил против вульгарного понимания процесса. Нельзя, говорил он, играть один кусок роли для жизненности, другой — для идеологии, а третий — для театральности. Это ерунда. Синтез трех волн — вот самое главное в актерском творчестве. Достигнуть такого синтеза — самая важная задача актёра, чтобы быть на сцене живым человеком.

Решительно и четко формулировал Немирович-Данченко свое отношение к современности в театре. Это самое нужное, сказал он, без современной пьесы театр мертв. Театр не может существовать на одной лишь классике. В таком случае он будет музейным и не сможет держать зрителя все время в своей власти.

По определению Немировича-Данченко, театр — толкование драматических конфликтов, толкование человеческих страстей. Без этого нет театра. В театре надо быть непременно потрясенным. Если же вы хладнокровно размышляете по поводу происходящего на сцене, значит, это не театрально.

Остановился Немирович-Данченко и на характерных, по его мнению, особенностях психологической грузинской театральной культуры. Оценивая ее чрезвычайно высоко, говоря с большим уважением о талантах грузинского народа, Владимир Иванович, в частности, провел интересное сравнение искусства театра имени Руставели с искусством МХАТ. Он нашел у них общее в том, что оба театра во главу угла своей работы ставят тему, содержание произведений, подчиняя этому все формальные поиски. В таком подходе, кстати, Немирович-Данченко усматривал верный залог крепкого театрального здо-

ровья. Отличительную же особенность грузинского театра он видел в повышенной, по сравнению с тем же МХАТ, до предела насыщенной, интенсивной театральности. Он относил это за счет южного темперамента и говорил, что в силу этого грузины, как и все южане, театральны по природе, стихийно.

Были у Немировича-Данченко встречи и с другими деятелями искусства и литературы. К нему, например, приходил драматург Шалва Дадини. Владимир Иванович читал его пьесу «Из искры» и подробно разбирал ее вместе с автором. Беседовал Немирович-Данченко также с руководителями русского драматического театра имени Грибоедова К. Шах-Азизовым и А. Рубиним, с критиком Бесо Жентим.

Очень интересная встреча была у Немировича-Данченко с Верико Анджапаридзе — актрисой театра имени К. Марджанишвили. Владимир Иванович вместе с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой посмотрел там «Даму с камелиями» и был восхищен Маргаритой — Анджапаридзе.

— Многих Камелий я видел, — сказал он. — Две из них были замечательные. И вот на старости лет я увидел вас и сравниваю с теми двумя Камелиями — Элеоноры Дузе и Сары Бернар. Вы ближе к Дузе. У меня даже было такое ощу-

щение, что вы видели Дузе — не читали о ней, а именно видели ее. Но в последнем акте я понял, что это не так.

— И вдруг здесь, в Тифлисе, я неожиданно увидел вас — такую Камелию, — снова вернулся Владимир Иванович к образу, созданному Анджапаридзе. — Последний акт — это неповторимо. Вы же не видите себя. Если б вы знали, как вы становитесь некрасивы, когда плачете у окна. Но как бы вам позавидовала Сара, которая в этом месте была пленительно красива!

— Да, дорогая Верико, — закончил Немирович-Данченко, — за две-три таксыгранные роли я ставил бы артисту памятник.

Уже провожая Анджапаридзе, Владимир Иванович спросил актрису, какую следующую роль она хотела бы сыграть.

— Нет, нет, не говорите, — предвещал он ее ответ, — я сам за вас скажу: Клеопатру. Угадал?

Верико Анджапаридзе утвердительно кивнула.

— Да, конечно, я вас понимаю, — сказал Немирович-Данченко, — это, безусловно, ваша роль. Но мне хотелось бы еще, чтобы вы сыграли леди Макбет...

Одну из этих ролей — Клеопатру — Верико Анджапаридзе впоследствии действительно сыграла.